

МУ «Централизованная библиотечная система
Московского района
ЦРБ им. А.С.Пушкина
Методико-информационная группа

С. М. Пилярская

***Лошади в жизни
и творчестве
А.С.Пушкина***

(Литературное исследование)

Нижний Новгород
2003 год

Пилярская Стефания Мариановна родилась в 1935 году в Нижнем Новгороде. Окончила химический факультет Политехнического института в 1958 году, вся трудовая жизнь прошла в ЦНИЛХИ (институт лесохимической промышленности). С 1990 года на пенсии.

Пушкиным «заболела» с 1949 года, когда в стране праздновали 150-летний юбилей Александра Сергеевича, и мама подарила ей томик Пушкина с надписью «Учись, мой сын, наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни», - слова из «Бориса Годунова». Прочитала сначала эту трагедию, потом весь томик. Поняла далеко не все, но стало очень интересно. Стала читать книги о Пушкине, собирать свою «пушкиниану». Сейчас в ней около 130-ти книг.

Стефании Мариановне всегда хотелось, чтобы и близкие люди, и сослуживцы также любили Пушкина, как она. На работе она устраивала Пушкинские дни, приносила свои книги, делала сообщения о новых интересных трудах наших пушкинистов, выпускала стенгазеты.

Обществом книголюбов была награждена грамотой за «пропаганду творчества А.С.Пушкина». В настоящее время С.М.Пилярская организует «походы» учеников в Нижегородский музей А.С.Пушкина. Она также является членом Пушкинского клуба, заседания которого проходят ежемесячно в музее.

Стефания Мариановна побывала во многих пушкинских местах: Петербурге, Царскосельском Лицее, Пскове, Михайловском, Святогорском монастыре, Кишиневе, Москве, Пятигорске, Кисловодске, Гурзуфе, Бендери, Тирасполе, Феодосии, Бахчисарае, неоднократно бывала в Болдине. Осталась неосуществленная мечта - тверские пушкинские места (Малинники, Павловское, Берново) и Одесса!

В 1999 году, в период празднования 200-летия со дня рождения поэта, участвовала во Всероссийской викторине «Ай да Пушкин», отвечала на ее теле- и радио-вопросы. Финал конкурса проходил в Москве в Останкино, и Стефания Мариановна Пилярская участвовала в нем!!! С участниками викторины переписывается сейчас постоянно и старается каждый год 6 июня

встречаться у памятника Александру Сергеевичу на Пушкинской площади в Москве.

В 1998 году Стефания Мариановна принимала участие в Турнире знатоков жизни и творчества А.С.Пушкина, который был организован для читателей библиотеки им. А.С.Пушкина ЦБС Московского района Нижнего Новгорода, и стала победителем.

Многолетняя дружба связывает С.М.Пилярскую с коллективом библиотеки. Она - постоянный участник Пушкинских праздников, выступала на Областной презентации Пушкинских библиотек, была гостьей Пушкинского бала. В 2003 году, в День памяти А.С.Пушкина, в стенах ЦРБ познакомила с настоящим исследованием старшеклассников школы №115 - читателей библиотеки.

Данное издание - результат творческих изысканий читателя библиотеки - предпринято впервые.

С.М.Пилярская (сидит) в кругу победителей Турнира знатоков жизни и творчества А.С.Пушкина.

*ЦРБ им.А.С.Пушкина. 1998 г.
(Фото опубликовано в журнале «Библиотека», 1998, №10)*

*«Узнаю коней ретивых
По их выжженным таврам»
А.С.Пушкин «Из Анакреона»*

Конь

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удил?
Али я тебя не холю,
Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не злачены стремяна?
Отвечает конь печальный:
«Оттого я присмирел,
Что я слышу топот дальный,
Трубный звук и пенье стрел;
Оттого я ржу, что в поле
Уж не долго мне гулять,
Проживать в красе и в холе,
Светлой сбруей щеголять;
Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмет
И серебряны подковы с легких ног моих сдерет;
Оттого мой дух и ноет,
Что наместо чепрака
Кожей он твоей покроет
Мне вспотевшие бока».

Это одно из первых стихотворений, которые по памяти разучила со мной моя мама (щадя мою детскую психику, без 4-х последних таких страшных строчек). Моя мама любила и

хорошо знала творчество и биографию Пушкина. А еще она очень любила лошадей!

Любовь к лошадям по наследству перешла к внучке моей. Это стихотворение она выучила совсем маленькой, и я очень хочу, чтоб от нас она приняла и эстафету любви к Пушкину.

Разные способы ищу я для этого. Вот и этот - рассказ о лошадях в жизни и творчестве Пушкина - будет, может быть, одним из них.

«Бывают разные сближенья», - так сказал наш любимый поэт.

Да и всем, кому дорого имя Пушкина, все, что имеет к нему отношение, интересно. Встреча с его стихами, пусть только о лошадях - тоже радость.

Современные астрологи при составлении гороскопа Пушкина определили, что он родился в час Стрельца, а родившиеся в этот час люди - страстные любители лошадей. И действительно, перечитав произведения, письма поэта, воспоминания современников о нем, книги ученых-пушкинистов, книги Б.Алмазова «Кони, кони...» и «Прощайте и здравствуйте, кони», просмотрев рисунки А.С.Пушкина в полном собрании его сочинений, я увидела, что все его творчество просто переполнено лошадьми; и поняла, что поэт их очень любил, был отчаянный наездник и гордился своим умением ездить на них, хотя порядочных собственных лошадей у него не было никогда. Это были лошади родителей, друзей или наемные.

Ни в письмах, ни в стихотворениях Пушкина я не встретила ни одной клички коней, на которых ездил поэт. Мужик - сосед, пренебрежительно рассказывая о Михайловских лошадях, одну назвал: «Плохие кони у Пушкина были, вовсе плохие... один был вороной, а другой гнедко, гнедой. Козьяком звали по мужику, у которого жеребеночком взяли. Козьяк совсем дурной конь был, а только долго жил». (Какое-то не очень красивое имя было у этой лошади.)

Второе имя лошади встречается в наброске 1830 года. «Участь моя решена, я женюсь.» Там Пушкин сначала описывает образ жизни холостого молодого дворянина, одна из сторон её - прогулка верхом по городу: «вздумаю гулять - мне седлают мою смирную Женни, еду переулками, смотрю в окна низеньких домов.» Набросок этот имеет автобиографический характер - помолвка Пушкина с Натальей Гончаровой состоялась 6 мая 1830 года, в наброске говорится о большом дяде героя. Но не все можно отнести к Пушкину: разве не вел он обширную переписку? А в наброске герой никому не пишет письма. И лошади «своей» у поэта не было, а по городу верхом он ездил только в Кишиневе. Если верить воспоминаниям кишиневских сторожил, которые записаны П.И.Бартеньевым: в Кишиневе «любимым занятием Пушкина была верховая езда; бывали дни, когда он почти не слезал с лошади!.. Проезжая однажды по одной из многолюдных улиц, Пушкин увидел у одного окна хорошенькую головку, дал лошади шпоры и въехал на самое крыльцо. Девушка, испугавшись, упала в обморок, а родители её пожаловались Инзову. Последний за это оставил Пушкина на два дня без сапог». (Может это просто один из анекдотов о нашем поэте).

Вольный и невольный путешественник, с лошадьми будущий поэт познакомился рано.

С 1805 года каждое лето Пушкины уезжали в бабушкино подмосковное имение Захарово и, конечно, на лошадях.

Из Захарова, т.к. там не было церкви, к обедне ездили на лошадях в село Большие Вяземы.

В 1811 году в сопровождении дяди Василия Львовича юный Пушкин «на тройке принесенный из родины смиренной в великий град Петра» готовился к поступлению в лицей.

Иван Пущин в своих «Записках о Пушкине» вспоминает: «С назначением Энгельгардта в лицее много делалось для развлечения лицеистов..., зимой ездили на нескольких тройках за город...». В программе лицея среди многочисленных наук упоминались такие дисциплины, как танцы, фехтование и верховая езда.

«Слишком за год до выпуска... выкроилась для нас верховая езда. Мы стали ходить два раза в неделю в гусарский манеж, где на лошадях запасного эскадрона учились у полковника Кнабекау, под главным руководством генерала Левашева верховой езде», - писал Пущин в этих «Записках». Он добавляет, что до этого лицеисты в галереи манежа часто наблюдали за гусарами во время их верховой езды. Наверное, Пушкин был среди этих лицеистов.

Может быть, спустя много лет, в 1833 году, создавая шутовое стихотворение «Гусар», он вспомнил этих царскосельских гусаров и их коней:

«Коня! – на, дурень, вот и конь. -
И точно: конь передо мною,
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою».

А первое стихотворение юного поэта о лошадях и всадниках как раз и относится к лицейской поре, к 1816 году, - это стихотворение «*Наездники*»:

«... Толпа наездников младых
В дубраве едет молчаливой,
Дрожат и пышут кони их,
Главой трясут нетерпеливой.
Уж полем всадники спешат,
Дубравы кров покинув зыбкий,
Коней ласкают и смирят

И с гордой шепчутся улыбкой...»

Еще совсем юным, создавая свою первую поэму *«Руслан и Людмила»*, Пушкин уже хорошо чувствовал лошадей; со знанием дела он описывает коня Руслана в сложной для него и его хозяина ситуации - при встрече с Головою:

«И вдруг она что было мочи
Навстречу князю стала дуть.
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонив главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумрак ночи
Неверный продолжает путь.
Объятый страхом, ослепленный,
Он мчится вновь, изнеможенный
Далече в поле отдохнуть».

После окончания лицея юный поэт жил в Петербурге вместе с родителями. Барон М. Корф, тоже лицейский выпускник, проживал с ним в одном доме. Этот недоброжелательный сосед, описывая пушкинский быт, «хаос в доме, оборванную и пьяную дворню, вечный недостаток во всем», упоминает и «ветхие рыдваны с тощими клячами».

«Деликатная, очень благожелательная ко всем Пушкиным А.П.Керн вспоминает, что когда в 1828 году сестра поэта Ольга Сергеевна тайно вышла замуж, встречать молодых она и Пушкин отправились в старой фамильной карете его родителей»

Значит, родители Александра Сергеевича, живя в столице, имели собственный «выезд», пусть и не очень хороший.

Но то ли отец не давал лошадей сыну, то ли поэт стеснялся ездить на этих клячах, но в гости к Карамзиным в Царское село (25 верст), Пушкин часто проходил пешком, ведь он постоянно страдал из-за безденежья, нанимать экипаж он зачастую не мог даже для поездок по городу. На скупость отца он позднее жаловался в письме к брату: «...когда больной, в осеннюю грязь или трескучие морозы, я брал извозчика, он вечно бранился за 80 копеек (которые, верно б, ни ты, ни я не пожалели для слуги)».

В Одессе у Пушкина тоже часто не было денег, (отец не считал себя обязанным поддерживать сына), в том числе и на наем лошадей. О своеобразных отношениях с хозяевами наемных лошадей, услугами которых поэт пользовался в Одессе, сохранился забавный рассказ старика извозчика по прозвищу Береза: «Бывал тут в графской канцелярии Пушкин, чиновник. Бывает, задолжает, да всегда отдает с процентами. Возил я его на хутор Рено. Следовало пять рублей, говорит, в другой раз отдам. Прошло с неделю, выходит: вези на хутор Рено!.. Повез опять. Следовало уже десять рублей, а он и в этот раз не отдал. Возил я его и в третий и опять в долг: нечего было делать, и рад был бы не ехать, да нельзя, свиреп был да и ходил с железной дубинкой. Прошла неделя, другая. Прихожу я к нему на квартиру. Он брился. Я к нему. Ваше благородие, денег пожалуйте, и начал просить. Как ругнет он меня, да как бросится на меня с бритвой. Я бежать, давай Бог ноги, чуть не зарезал. С той поры я так и бросил. Думаю себе, пропали деньги, и искать нечего, а уж больше не полезу. Только раз утром гляжу, тут и наша биржа у его квартиры - растворил окно, зовет всех, кому должен.... Прихожу и

я: «На вот тебе по шести рублей за каждый раз, да смотри вперед не совайся!»

- «Да зачем же ездил он на хутор Рено?»

- «А Бог его знает! Посидит, походит по берегу час, полтора, потом назад».

(На хуторе Рено находилась дача Воронцовых).

Женитьба очень изменила весь домашний жизненный уклад Пушкина, на обзаведение хозяйством были истрачены большие деньги, на Арбате была нанята прекрасная квартира с подсобными помещениями, в том числе «с конюшней и каретным сараем» и у него теперь был свой экипаж со своим кучером. Известная цыганская певица Таня вспоминает, что через месяц

или два после свадьбы Пушкина она шла в церковь и вдруг: «Гляжу богатейшая карета, новенькая четвернею едет мне навстречу!» Из опущенного окна кареты высунулся Пушкин и громко окликнул её. «А подле него красавица писаная, жена сидит».

«В декабре 1836 года на годичный отчет Российской Академии (поэт был её членом) Пушкин приехал в двухместной карете четверней с фореитором» - вспоминал очевидец.

Верховой езде Пушкин обучался недолго; тем более удивительна его отчаянная езда. Он очень гордился своим умением ездить верхом и дорожил репутацией умелого наездника.

Так в январе 1825 года из Тригорского он пишет Вяземскому: «Пишу тебе в гостях с разбитою рукою - упал на льду не с лошади, а с лошадыю, большая разница для моего наезднического самолюбия».

О возможности такой неудачи Пушкин и поведал в *«Евгении Онегине»*.

Когда наступает зима:

«В глуши что делать в эту пору?
Скакать верхом в степи суровой?
Но конь притупленной подковой
Неверный зацепляя лед,
Того и жди, что упадет».

Из письма М.Ф. Орлова жене узнаем, что Пушкин падал с лошади (а не с лошадыю) в свою бытность в Кишиневе. Вот что мы читаем в этом письме (1821-1822 гг.) генерала: «После обеда ежжу верхом. Третьего дня поехал со мною Пушкин и грохнулся оземь. Он умеет ездить только на Пегасе да на донской кляче». (Пегас - мифологический крылатый конь, символ поэтического вдохновения). Наверное, Орлов был слишком строг к Пушкину-наезднику, (как хорошо, что поэт никогда не читал этого письма) и конь ему попался на этой прогулке слишком норовистый! И конечно, Пушкин уступал военным, профессиональным наездникам в искусстве верховой езды.

Интересно, что в 1836 году, посылая Денису Давыдову свою «Историю Пугачевского бунта», Пушкин писал о себе, что он «наездник смирного пегаса» и что ему не удалось

«При громе пушечном в огне
Скакать на бешеном коне!»

Пушкин обожал быструю езду и ставил своеобразные рекорды. В письме к П.А.Осиповой из Болдина в 1830 году он с некоторой долей хвастовства сообщает: «500 верст обыкновенно проезжаю в 48 часов» - (это расстояние от Москвы до Болдина), но так быстро он ездил не всегда.

Вскоре после выпуска из лицея, известной петербургской гадалкой Кирхгоф Пушкину (как вспоминал его брат Лев и многие современники поэта) было предсказано скорое изгнание на юг и север, разные обстоятельства, с ним впоследствии сбывшиеся; гадалка предсказала его женитьбу и, наконец, преждевременную смерть, предупредивши, что должен он ожидать ее от руки высокого белого человека на белой лошади.

«Пушкин, и без того несколько суеверный, был поражен постепенным исполнением этих предсказаний и часто об этом рассказывал» - вспоминал Лев Сергеевич.

Пушкин и сам нередко повторял слова гадалки. В статье «Таинственные приметы в жизни Пушкина» его друг С.А.Соболевский тоже повторяет эту историю, переданную самим поэтом. Гадалка предсказала ему: «Ты будешь кумиром своего народа, но берегись белого человека, белой лошади, белой головы». Погодин рассказывал, что когда он напечатал в своем журнале «Московский Вестник» эпиграмму на поэта А.Н.Муравьева, человека очень высокого роста, «Лук звенит» (1827 год), Пушкин сказал: «Как бы нам не поплатиться за эту эпиграмму». - «Почему?» - «У меня есть предсказание, что я должен умереть от белого человека или белой лошади. NN не только белый человек, но и лошадь». Удивительно, что с лошадыю Пушкин сравнивал не очень симпатичного ему человека.

Предсказание, к несчастью, сбылось: убийца поэта был высок ростом, носил белый мундир кавалергарда, был блондином и ездил на белом коне, потому что именно лошадьми этой масти ремонтировался его эскадрон.

Пушкин был «не несколько», а очень суеверным человеком, верил предсказаниям, его привлекало все таинственное и мистическое. И, может, именно этому предсказанию мировая литература обязана появлению в 1822 году стихотворения *«Песнь о вещем Олеге»*, где Пушкин так описывает коня Олега, что он как живой встает перед нами:

«Твой конь не боится опасных трудов:
Он, чуя господскую волю,
То смиренно стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего.

Но примешь ты смерть от коня своего».

После долгой добровольной разлуки князь вспомнил своего любимца:

«А где мой товарищ? - промолвил Олег,
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? Все так же ль легок его бег,
Все тот же ль он бурный, игривый?»

Конь умер, а предсказание сбылось.

Читая письма Пушкина А.А.Бестужеву из Михайловского в 1825 году после опубликования стихотворения *«Песнь о вещем Олеге»*, мы видим пушкинское отношение к лошадям: «Тебе, кажется, «Олег» не нравится, напрасно. Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе - есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического». И у самого Пушкина было «товарищеское», «трогательное» отношение к лошадям, ведь недаром, как вспоминал его друг П.В.Нащокин, холостой Пушкин любил напевать песню «Не женись ты, добрый молодец, а на те деньги коня купи». А перед свадьбой, когда он приехал к этому своему задушевному другу, где была в гостях цыганка Таня, она спела по просьбе поэта песню, которая его очень растрогала, и тоже с лошадьми:

И не случайно, конечно, что конями наполнены пушкинские стихотворения и прозаические произведения, ведь ими была наполнена жизнь Пушкина, как наполнена была она скитаниями и дорогами.

Ведь он изъездил Россию вдоль и поперек по своей охоте и по чужой - и все на лошадях.

Ученые подсчитали, что Пушкин проехал по 120-ти маршрутам почти 35 тысяч километров, это почти окружность земного шара. И по этому количеству преодоленных километров он обогнал такого великого путешественника, как Пржевальский.

Вот только не полный перечень этих пушкинских маршрутов.

В 1820 году он вынужден был покинуть Петербург и отправиться в ссылку на Юг, там выпало поэту приятное путешествие с Раевским по Кавказу и Крыму; затем отъезд в Кишинев, многочисленные поездки по Бессарабии, в Каменку, Киев и Одессу; в 1823 году - переезд в Одессу; в 1824 году - вторая ссылка на север в Михайловское. В 1826 году - возвращение из ссылки, поездка с фельдъегерем в Москву на свидание с царем; потом опять в 1826 году и в 1827 году в Михайловское; бесчисленные поездки Петербург - Москва и обратно; в 1828 и 1829 гг. - посещение Тверской земли; в 1829 году - самовольный отъезд в действующую армию на Кавказ; в 1830 - в Болдино. В 1831 году - из Москвы в Царское Село и Петербург, в 1833 году - путешествие на Урал в Оренбургский край из Петербурга через Москву, Тверскую землю, Нижний Новгород, Казань и возвращение через Болдино. В 1834 г. - посещение Полотняного

Завода (в 1830 г., будучи женихом Натальи Николаевны он уже приезжал туда для знакомства с ее дедом); снова поездка в Болдино, оттуда заезд в Ярополец.

В 1835 году - два посещения Михайловского, в 1836 году - печальная поездка для похорон матери в Святогорский монастырь. А, кроме того, Пушкин много ездил по Молдавии, Украине, Псковской губернии, по Тверской земле.

«Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?»

спрашивает себя поэт в стихотворении 1829 года *«Дорожные жалобы»*. Перечисляя все возможные способы передвижения, он забыл об одном, совсем необычном, о котором он рассказывал в письме к Дельвигу из Михайловской ссылки, вспоминая свое путешествие по Крымским дорогам: «По горной лестнице взобрались мы пешком, держа за хвост татарских лошадей наших. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось каким-то восточным обрядом».

А о возможных способах путнику умереть Пушкин пишет дальше:

«Не в наследственной берлоге,
Не среди отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь судил,
На камнях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.
Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид»

А сколько стихотворений появилось благодаря этим путешествиям и неизменным их участникам - лошадям!

«Зимняя дорога»

«По дороге зимней скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег.... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне.»

1836 год.

«Калмычке»

«Прощай, любезная калмычка!
Чуть - чуть, назло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей

Вслед за кибиткою твоей...
... Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса... 1829 год.

Это стихотворение - впечатление от действительной встречи с калмычкой во время самовольной, без разрешения властей, поездки Пушкина на Кавказ в 1829 году в действующую армию, которую он описал в «Путешествии в Арзрум» во время похода в 1829 году. Это путешествие Пушкину пришлось проделать в коляске, и верхом, и пешком.

Верхом на коне он принимал участие в сражении с турками.

Через всю Россию с севера на юг до самого Крестового перевала он ехал в коляске. Преодолеть перевал можно было верхом или в коляске, в которую впрягали несколько волов. Попутчик Пушкина граф Мусин-Пушкин выбрал карету, а Пушкин, не захотев изменять лошадям ради волов, отослал коляску обратно во Владикавказ и через перевал спустился в Грузию верхом. Вот как он пишет об этом: «Мы круто поднимались все выше и выше, лошади наши вязли в рыхлом снегу, под которым шумели ручьи. Я с удивлением смотрел на дорогу и не понимал возможности езды на колесах». В грузинском местечке Пайсанаури Пушкин должен был сменить

лошадей, но, не дождавшись их, он пошел дальше пешком. Не рассчитав своих сил - дорога все время шла в гору - в конец измученный, в полной темноте, проклиная свое нетерпение, добрал он до маленького городка Душета. Наученный горьким опытом, больше он не отваживался на дальние пешеходные переходы, а ехал верхом.

За ночь подошли лошади, и верхом Пушкин направился дальше. Переправившись через Куру по древнему мосту «крупной рысью, а иногда и вскачь» Пушкин верхом поскакал в Тифлис, чтобы встретиться там с генералом Николаем Раевским - командиром Нижегородского Драгунского полка, и с ним ехать в поход, но этот полк уже покинул Тифлис.

Через две недели Пушкин, получив разрешение Паскевича - командующего русскими войсками на Кавказе, выехал к Карсу, где был в то время лагерь Раевского.

Переехав в Армению, недалеко от крепости Гергеры Пушкин встретил арбу, запряженную волами, они везли в Тифлис тело убитого в Тегеране Грибоедова.

Достигнув речки Арапчай, прежней российской границы, воскликнув: «Наша граница!», - Пушкин поскакал к реке, как писал он «с чувством неизъяснимым». «Никогда не видел я еще чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное, с детских лет путешествия были моей любимой мечтой. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь, то по югу, то по северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России; я весело въехал в заветную реку, добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван, я все еще находился в России».

В Карсе Пушкин узнал, что русские войска покинули этот город накануне и лагерь Раевского находится всего в 25-ти верстах от города. Утром, осматривая укрепления этого городка, выстроенного на неприступной скале, Пушкин не мог понять, как русские могли овладеть Карсом. Через два часа после выезда из Карса Пушкин увидел русский лагерь, а через несколько минут он уже был в палатке Раевского, обнимал его и брата Льва, который был адъютантом Раевского.

В штабе Паскевича Пушкин был ему представлен, здесь он встретился со своим лицейским товарищем Вальховским и братом Ивана Пушина Михаилом, тоже декабристом, сосланным на Кавказ.

В тот же день 14 июня произошло сражение с турками, в котором русские одержали победу. Пушкин писал, что он «почитал себя прикомандированным» к Нижегородскому полку и принял участие в этом сражении.

Известно, что Пушкин часто бравировал своей храбростью, так было и на этот раз. Н.И.Ушаков в своем труде «История военных действий в Азиатской Турции в 1828-29 году» пишет об этом так: «В поэтическом порыве он (Пушкин) выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. Опытный майор Сергичев, посланный генералом Раевским вслед за поэтом, едва настигнул его и вывел из передовой цепи казаков в ту минуту, когда

Пушкин, одушевленный отвагою, столь свойственной новобранцу-воину, схватив пику одного из убитых казаков, устремился против неприятельских всадников».

Участник этого сражения декабрист А.С.Гангелов вспоминал, что Пушкин не только носился на коне по полю боя, но и исполнял какие-то поручения Раевского для Паскевича, наблюдавшего с холма за ходом сражения: «... мы увидели скачущего во весь опор всадника. Это был Пушкин... Осадив лошадь в двух-трех шагах от Паскевича, он снял свою шляпу, передал ему несколько слов, и, получив ответ, опять понесся к Раевскому».

18 июня в сражении с войсками серакира арзрумского русские войска опять победили, турки бежали. Пушкин принимал участие в их преследовании вместе с российскими татарскими полками. Как писал он, «их лошади отличаются быстротою и силою. Лошадь моя, закусив поводья, от них не отставала; я насилу мог ее сдержать», - писал Пушкин. После взятия русскими войсками Арзрума без боя поэт заспешил в Россию. 19 июля перед отъездом Пушкин нанес Паскевичу прощальный визит, получив от него в подарок турецкую саблю с надписью на клинке: «Арзрум, 18 июля 1829 года».

Под впечатлением военных действий в Закавказье, очевидцем и участником которых он был, на обратном пути Пушкин написал стихотворение «Дон»:

«Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.
Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.
Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих»

1829 год.

Обо всех своих «мытарствах» другого своего путешествия на Урал в 1833 году для сбора материала к «Истории Пугачева» Пушкин подробно сообщал с дороги в письмах Наталье Николаевне.

На этот раз он ехал с разрешения властей и на казенный счет. Поэтому в Москве у почт-директора Булгакова он выправил, как он пишет, «лист для смотрителей, которые очень мало меня уважают, несмотря на то, что я пишу прекрасные стишки». Лист, точнее - открытый лист, - это так называемая подорожная - документ на получение лошадей на почтовых станциях. Булгаков, как почт-директор, наряду с почтой, ведал ямским двором и почтовыми лошадьми.

Чиновникам 10-го класса, к которым относился титулярный советник Пушкин, если они ехали по казенной надобности, полагалась подорожная на три бесплатные лошади.

Для сравнения: особам первого класса - 20 лошадей, митрополитам, действительным тайным советникам и другим особам второго класса - 15 почтовых лошадей.

Проезжие могли нанимать лишние лошадей за дополнительную плату из расчета по 5-ти копеек за одну лошадь на одну версту пути. Об этом я узнала из книги И.Смоляникова «Путешествие Пушкина в Оренбургский край».

Мелкой сошке станционный смотритель мог лошадей и не давать, даже если они и были на станции в это время, особенно, если путешественники ехали по причине личного характера.

Пушкин рассказывает о таком обычном небрежении смотрителя к не слишком важным проезжающим на одной из станций недалеко от Нижнего Новгорода. Какая-то городничиха, приняв Пушкина за станционного смотрителя, начала ему выговаривать: «Безобразие, на что это похоже? Две тройки стоят на конюшне, а вы мне со вчерашнего дня ни одной не даете!». Узнав про эти тройки, Пушкин, научившийся разговаривать со смотрителями, убедил его дать одну тройку городничихе, а вторую взял себе.

В 1830 году, когда он стремился прорваться через карантин и вырваться из Болдина в Москву, на почтовой станции Севаслейка смотритель принял Пушкина сначала благосклонно (решительный и суровый вид поэта подействовал на него), и он смиренно попросил у поэта подорожную. Заглянув в нее, он сразу переменяет тон. Вот как изложил Пушкин свой диалог со станционным смотрителем:

- «Вы не по казенной надобности изволите ехать?»
- «Нет, по собственной самонужнейшей»
- «Так извольте ехать назад на другой тракт»

Пушкину, в зависимости от дорожных условий, приходилось ехать и на тройке, и на четверке, даже на шестерке лошадей.

Заезжая в Тверские имения своих друзей Вульфов, Пушкину пришлось ехать проселочными дорогами, а они были намного хуже почтовых трактов. Пушкин пишет жене: «Из-за дождей дорога размокла, и ямщики закладывали коляску шестерней, страшая меня грязными дорогами».

Лошади, в основном, были почтовыми, то есть казенными, и лишь на некоторых участках - вольные, - нанятые у жителей тех мест, где не было почтовой службы, и где подорожные не играли никакой роли.

Иногда и на почтовых станциях действительно в данное время не было лошадей, а если путнику очень сильно не везет, так на нескольких соседних станциях подряд.

Вот что об этом писал Пушкин Наталье Николаевне 2 сентября о пути от Москвы до Нижнего: «Дорога хороша, но под Москвою нет лошадей, я повсюду ждал несколько часов и насилу дотащился до Нижнего сегодня, то есть в пятые сутки».

А помните, Осиповой он хвастал, что 500 верст (а это больше, чем от Москвы до Нижнего) он обычно проезжает за двое суток.

А бывает в дороге и так, что «лошади расковывались», но эта неприятность иногда очень быстро устранялась: «Неслыханная вещь, их подковывали прямо на дороге. 10 лет ездю я по большим дорогам, отроду не видел ничего подобного», - сообщал Пушкин жене.

Случалось, что и ямщики подводили бедного Пушкина, но это было редко, но было. Уже на обратной дороге Пушкин пишет: «Стали закладывать мне лошадей - гляжу, нет ямщиков - один слеп, другой пьян и спрятался».

А вот с коляской Пушкину просто фатально не везло. Она у него была своя (вероятно, после женитьбы, когда Пушкин обзаводился своим семейным хозяйством). Коляска крепкая, как будто, приспособленная к дальним путешествиям, но она часто требовала подправок. Карета была в починке в 1832 году, и Пушкин сокрушался: «Каретник мой плут, взял с меня за починку 500 рублей, а в один месяц карета моя хоть брось. Это мне наука, не иметь дела с полуталантами. Фрибелиус или Иохил (это известные петербургские каретные мастера) взяли бы с меня 100 рублей лишних, но зато не надули бы меня».

В Москве в августе 1833 года Пушкину опять пришлось прибегать к услугам каретника. Пушкин жаловался жене: «Каретник насилу выдал мне коляску. Нет мне счастья с каретниками!»

Интересно, что в бумагах Пушкина после его смерти был найден оплаченный счет на 340 рублей за починку его коляски в 1834 году.

Но, скорее, не такие уж плохие были русские каретных дел мастера - плохие были русские дороги, на которых так быстро разбивалась пушкинская коляска.

Пушкин постоянно писал: «Дорога была скверная, насилу тащились».

В письме к невесте в 1830 году из Болдина, раздраженный, тщетно пытающийся вырваться из холерных карантинных пунктов, Пушкин писал с большим сарказмом: «Если что и может утешить, то это мудрость, с которой проложены дороги: насыпи с обеих сторон - ни канавы, ни стока для воды, отчего дорога становится ящиком с грязью, - зато пешеходы идут со всеми удобствами по совершенно сухим дорожкам, и смеются над увязшими экипажами».

В сухую погоду эти «ямщики», правда, становились вполне проезжими.

А в статье «Путешествие из Москвы в Петербург», написанной в 1833 году, делясь со знанием дела своими дорожными впечатлениями, за плохие русские дороги винит губернаторов и с иронией замечает: «Вообще дороги в России (благодаря пространству) хороши и были бы

еще лучше, если бы губернаторы меньше о них заботились. Например, дёрн есть уже природная мостовая, зачем его сдирать и заменять наносной землей, которая при первом дожде обращается в слякоть».

Всем хорошо знакомы пушкинские строки из 7-й главы «Евгения Онегина»:

«Со временем (по расчислению
Философических таблиц),
Лет через пятьсот дороги, верно,
У нас изменятся безмерно.
Шоссе в России здесь и тут
Соединясь пересекут».

Ну а: «Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют»

Есть и другие напасти на путешественника, как хорошо они знакомы Пушкину:

«На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают;
Трактиров нет. В избе холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду прейскурант висит
И тщетный дразнит аппетит.
Меж тем как сельские циклопы
Перед медлительным огнем
Российским печат молотком
Изделье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли».

Погода тоже часто делает путешествие трудным: жара, дождь, мороз, ветер, вьюга неприятны и барину, и ямщику, и лошадям. О зимней дороге в непогоду, когда кажется, что бесы ополчились против всех, что они - какая-то неодолимая сила, - обо всем этом Пушкин поведал нам в стихотворении «**Бесы**», оконченном в первую болдинскую осень 1830 года в начале сентября в пору солнечного тихого бабьего лета.

«Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин, дин, дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!
«Эй, пошел, ямщик», - «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;

Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.
Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;

... Сил нам нет кружиться доле;
Вьюга злится, вьюга плачет;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали. «Что там в поле?» -
«Кто их знает, пень иль волк»:
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во тьме горят;

Вон - теперь в овраг толкает
Одичалого коня...»

Кони снова понеслись;
Колокольчик дин, дин, дин...»

Путешественнику зимнею порою может на пути встретиться голодный волк, и тогда:

«Его почуя, конь дорожный
Храпит, и путник осторожный
Несется в гору во весь дух».

В 1999 году в столетний юбилей поэта «Почто-Телеграфный журнал» напечатал написанное Пушкиным о ямской и почтовой службе в России и сопроводительную статью специалиста, который отметил, что и «тут Пушкин показал точность своих описаний», что он дает правильное «представление о русских дорогах, езде, станционных смотрителях в первой половине XIX века, особенно метко очерчены неудобства путешествия.»

Опыту Пушкина-путешественника обязаны мы появлению самой значительной из повестей Белкина, повести *«Станционный смотритель»*.

«В течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям, почти все почтовые тракты мне известны, несколько поколений ямщиков мне знакомы, редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редкими не имел я дело», - говорит в этой

повести Иван Белкин. Но, конечно, это мог сказать о себе и сам Пушкин.

А повесть начинается так: «Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранился?...»

Будем, однако, справедливыми, постараемся войти в их положение, и, может быть, будем судить о них гораздо снисходительнее. Пушкин с большим сочувствием относился к «этим мученикам» четырнадцатого (самого последнего) класса в табели о рангах. Он называет их должность «настоящей каторгой».

«Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителя. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут, а виноват смотритель».

Во время путешествия, случалось, приходило к нему вдохновение, «тяжкий пламенный недуг», «дрянь» или «дурь» как называл это состояние А.С.Пушкин в письме Н.Н. от 19 сентября 1833 года из Болдина, уже возвращаясь с Урала. Он радостно ей сообщает: «Я чувствую, что дурь на меня находит. Я в коляске сочиняю, что ж будет в постеле?»

Он не ошибся. Вторая болдинская осень 1833 года была очень плодотворна.

Все путешествия Пушкина в основном были для дела или по необходимости. А вот езда верхом - любимое занятие в деревне, была для удовольствия!

Скакать на коне приходилось ему не так часто - в Михайловском, в Тверских имениях своих друзей, и в Болдине. И каждый раз он был счастлив. Ничто не отвлекало его от мыслей во время одиноких прогулок верхом, и он мог сочинять!

Чтобы не растерять уже звучавшие в голове рифмы, он подгонял коня для того, чтобы быстрее приехать домой, и записать их. Так по дороге из Тригорского в Михайловское, верхом на коне сочинил он сцену свидания Марины с Дмитрием у фонтана (единственную любовную сцену в «Борисе Годунове»). Когда Пушкин вернулся домой, в кабинете не оказалось чернил, пришлось отложить запись, а затем он не смог этого диалога вспомнить. Потом корил себя за это, считая, что первая, ускользнувшая из его памяти версия сцены у фонтана, была несравненно лучше второй, написанной позднее и вошедшей в окончательный текст трагедии.

А иногда прогулка верхом помогала справиться с душевным волнением, охладить горячую голову. Так было во время ссоры с отцом, когда он приехал из Одессы в михайловскую ссылку. Чтоб не наговорить отцу что рвалось с языка, он вскочил на коня и ускакал подальше от дома. Об этом случае он рассказывал в письме Жуковскому и в письме княгине Вере Вяземской,

где он говорит, что ему не хочется быть в доме вместе с отцом, «поэтому я провожу верхом в полях все время, которое я не провожу в постели» (октябрь 1824 г.).

В Михайловское Пушкин приезжал летом 1817 и 1819 годов, жил в ссылке с августа 1824 по сентябрь 1826 года, снова был там в ноябре-декабре 1826 года, в июле-октябре 1827 года, в августе 1830 года; в мае и сентябре-октябре 1835 года и в апреле 1836 года - хоронил свою мать в Святогорском монастыре.

В каждый свой проезд сюда он пользовался возможностью совершать такие приятные для него прогулки верхом. В гости к двоюродному деду Петру Абрамовичу Ганнибалу в его поместье Петровское - в 1817 и 1819 годах, и в Тригорское (его он посещал всякий раз, когда был в Михайловском), большею частью он ездил на лошадях верхом. О его дружбе с михайловскими лошадьми мы узнаем из его писем.

В ноябре 1824 года Пушкин пишет брату Льву: «Знаешь ли моя занятия? До обеда пишу записки, обедаю поздно, после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки».

Мария Ивановна Осипова, дочь Прасковьи Александровны, в своих воспоминаниях «Рассказы о Пушкине» сообщает: «Каждый день Пушкин являлся к нам из своего Михайловского. Приезжал он обыкновенно верхом на прекрасном аргамаке. А то, бывало, приволочится и на крестьянской лошаденке. Раз как-то тащится он на лошаденке крестьянской, ноги у него чуть не по земле волочатся. Приходил, бывало, и пешком».

Аргамак - это не порода, так на Востоке называли породистых лошадей для верховой езды. Интересно, что об этом аргамаке Пушкина упоминает поэт Языков, гостивший в Тригорском, в своем стихотворении, где он рассказывает о пребывании там:

«И часто вижу я во сне:
И три горы, и дом красивый,
И светлой Сороти извивы
Златого месяца в огне,
И тал, у берега, тень ивы,
И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке
На вороном аргамаке
Заморской шляпою покрытый
Спеша в Тригорское, один
Вольтер и Гете, и Расин -
Являлся Пушкин знаменитый.»

В своих воспоминаниях дочь попа Лариона Раевского- Шкоды - приходского священника соседнего сельца Вороничи - Анна (Акулина) Ларионовна дает очень красочное описание не только коня Пушкина, но и самого седока: «Помню его, приезжал на высокой красивой лошади, и был он во фраке с хвостом и под шеей широкий белый галстук-платок».

«Александр Сергеевич к себе в Михайловское приглашал, и сами бывали у нас запросто.... Подъедет верхом к дому и в окошко цок... «Поп у себя?» - спрашивает».

Так что иногда Пушкина, как Онегина у крыльца ожидал «узде послушный конь ретивый» - донской жеребец, а может конь другой породы, и он, тогда как граф Нулин - «за холку хватать и в стремя ногу», и ветер бьет в лицо и свистит в ушах!

Но и Онегин, и Нулин были хозяевами своих коней, а Пушкину «аргамак», да и другие лошади, не принадлежали.

Но во все время пребывания там Пушкин мог пользоваться лошадьми сколько угодно.

После смерти матери в 1836 году владельцами Михайловского стали Пушкин, его сестра и брат, но тогда Александр Сергеевич уже не ездил на михайловских лошадях.

В Михайловской ссылке написана 5-я глава «*Евгения Онегина*», где в начале ее - описание зимы, и как ее встречают крестьянская лошадь и удалые кони, запряженные в господскую кибитку:

«Зима! Крестьянин, торжествуя,

На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Несется рысью как-нибудь,
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке».

В ночь с 3 на 4 сентября 1826 года в сопровождение фельдъегеря резвая тройка помчала Пушкина в Москву на свидание с царем. Михайловская ссылка кончилась.

В марте 1827 года Александр Сергеевич получил письмо от няни Арины Родионовны, по причине няниной неграмотности написанное под диктовку кем-то из тригорских дворовых:

«Любезный мой друг, Александр Сергеевич, я получила ваше письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна - вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только когда засну, то забуду вас. Ваше обещание к нам побывать летом меня очень радует. Приезжайте, мой ангел, к нам в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставлю».

И дождалась Арина Родионовна своего голубчика - Сашеньку. Пушкин приехал в Михайловское в самом конце июля на посланных Ариною Родионовной лошадях ему навстречу на почтовую станцию Опочку.

Конечно, это были самые лучшие лошади Михайловского, не похожие на лошадей Лариных, какими с ласковой насмешкой изобразил Пушкин в сцене отъезда Татьяны в Москву, на ярмарку невест в начале 7-й главы «*Евгения Онегина*». Именно начало этой главы было написано им в этот приезд в Михайловское - в 1827 году.

«... И вот в избе между слугами
Поднялся шум, прощальный плач:
Ведут во двор осьмнадцать кляч,
В возок боярский их впрягают...
На кляче тощей и косматой
Сидит фореитор бородатый».

Я не нашла сведений о том, когда возник замысел и что побудило Пушкина к созданию стихотворения «Какая ночь, мороз трескучий» из эпохи Ивана Грозного.

Может, в Михайловском, когда он изучал «Историю государства Российского» Карамзина и писал своего «Бориса Годунова», где монах-летописец Пимен рассказывает о посещении Кириллова монастыря Иваном Грозным.

Возможно, позднее, когда он приезжал в Михайловское в 1826 и 1827 году, и образованная Прасковья Александровна Осипова, приглашая Пушкина погостить в свое имение Малинники, расположенное в Старицком уезде Тверской губернии, чтобы заинтересовать его, рассказала, что городок Старица был любимой резиденцией Ивана Грозного, а во время Ливонской войны в Старице он разбил свой лагерь, чтобы оттуда руководить русским войском.

Конечно, все это предположения.

Правда то, что в 1827 году Пушкин написал это стихотворение о страшном времени опричнины, о казнях, пытках и о молодом опричнике - «кромешнике» и о его коне, который был совестливее своего хозяина:

«Какая ночь. Мороз трескучий...
И вся Москва спокойно спит,
Забыв волнения боязни.
А площадь в сумраке ночном
Стоит, полна вчерашней казни,
Мучений свежий след кругом:

Но смерть уже, как поздний сон,
Свою добычу захватила.
Кто там? Чей конь во весь опор
По грозной площади несется?
Чей свист, чей громкий разговор
Во мраке ночи раздается?
Кто сей? - Кромешник удалой
Спешит, летит он на свиданье,
В его груди кипит желанье,
Он говорит: «Мой конь лихой,
Мой верный конь! Лети стрелой!
Скорей! Скорей!» ...Но конь ретивый
Вдруг размахнул плетеной гривой
И стал. Во мгле между столпов
На перекладине дубовой
Качался труп. Ездок суровый
Под ним промчаться был готов,
Но борзый конь под плетью бьется,
Храпит и фыркает, и рвется
Назад. «Куда? Мой конь лихой!
Чего боишься? Что с тобой?
Не мы ли здесь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местию горя,
Лихих изменников царя?
Не их ли кровию омыты
Твои булатные копыты!
Теперь ужель их не узнал?
Мой борзый конь, мой конь удалый!
Несись, лети!» И конь усталый
В столбы под трупом проскакал».

В следующем году поэтом было написано стихотворение (вольный перевод шотландской песни) *«Ворон к ворону летит»* о людской подлости, убийстве не в поединке, а из-подтишка, на охоте; о женской измене и о коне, которого люди заставили изменить своему хозяину. Пушкин сумел в таком маленьком стихотворении сказать так много и с такой силой:

«Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Ворон! Где б нам отобедать?
Как бы нам про то проведать?»
Ворон ворону в ответ:
«Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.
Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка воронья,
Да хозяйка молодая».
Сокол в рощу улетел,
На кобылу недруг сел,
А хозяйка ждет милого,
Не убитого, живого».

Осенью 1835 года Пушкин поехал в Михайловское, надеясь, что осенью, как обычно, придет к нему вдохновение, но оно не приходило. А.А.Плетневу он сокрушенно сообщает: «Такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось. Пишу - через пень колоду валю. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие». А его у поэта не было.

В письме Наталье Николаевне о том же: «Я провожу время очень однообразно. Утром дела не делаю, а так из пустого в порожнее переливаю. Вечером езжу в Тригорское. Гуляю пешком и верхом. Погода стоит почти летняя, сухо и солнечно».

В следующем письме к жене: «Писать не начал и не знаю, когда начну. Что у нас за погода! Вот уже три дня я гуляю то пешком, то верхом. Эдак я и осень мою прогуляю, и коли бог не пошлет нам порядочных морозов, то возвращусь к тебе, не написав ничего». Но через несколько дней: «Погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду. Я много хожу, много езжу верхом на клячах, которые очень тому рады, ибо им за то дается овес, к которому они не привыкли».

Об аргамаках Пушкин не упоминает, за 10 лет в Михайловском, наверное, перевелись порядочные кони!

Письмо Наталье Николаевне 2 октября Пушкин начинает с описания одной из михайловских лошадей: «Есть у нас здесь кобылка, которая ходит в упряжке и под верхом. Всем хороша, но чуть пугнет ее что на дороге, как она закусит поводья, да и несет верст десять по кочкам да оврагам - и тут уж ее не проймешь, пока не устанет сама». Пушкин так подробно описывает строптивый характер кобылки, чтобы с ней сравнить Наталью Николаевну, от которой он получил сердитое письмо. Вероятно, она приревновала мужа к баронессе Вревской, к которой он ездил в гости: «Получил я письмо твое, ангел кротости и красоты, где изволишь ты, закусив поводья, лягаться милыми и стройными копытцами. Надеюсь, что теперь ты устала и присмирела... Со вчерашнего дня начал я писать (чтоб не сглазить только). Авось распишусь».

Как подметил автор книги «Кони, кони» Борис Алмазов, следует писать «закусит удила», а не поводья. (В «Путешествии в Арзрум» Пушкин тоже ошибся и написал «поводья»).

В эту осень в Михайловском Пушкин сочинил немного, но стихотворение «**Вновь я посетил**» стоит многого; в нем, кстати, он упоминает о своих прогулках верхом и 10 лет назад, и теперь:

«... Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор - и много
Переменилось в жизни для меня.
И сам, покорный общему закону,
Переменился я - но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо...
На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стояли - одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, - здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они все те же,
Все тот же их знакомый уху шорох -
Но около корней их устарелых
(Где некогда все было пусто, голо)

Теперь младая роща разрослась.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое!...»

У своих тверских друзей и знакомых: П.А.Осиповой, Ивана Ивановича Вульфа, Павла Ивановича Вульфа, Полторацких, Панифидиных, Вельяшевых гостил Пушкин в 1828, 1829, 1830 и 1833 годах в их имениях и домах: Малинниках, Берново, Павловское, Грузины, Курово-Покровское, в городе Старица. Здесь он много ездил и верхом - на прогулках и на охоте, и катался в санях.

Впервые Пушкин посетил эти края по приглашению Прасковьи Александровны Осиповой (по первому мужу Вульф). Он приехал в ее имение Малинники (и оно ему очень понравилось) в октябре 1828 года. И в середине ноября пишет Дельвигу: «Здесь весело..., я езжу по пороше».

Очень нравилось Пушкину бывать в гостях у Павла Ивановича Вульфа в его усадьбе Павловское, где Александр Сергеевич 2 ноября 1829 года написал стихотворение «*Зима*»:

«Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? Утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня...»

В этом стихотворении, как в своих воспоминаниях утверждали домочадцы Павла Ивановича, - это реальный распорядок дня Пушкина во время пребывания его в Павловском. На следующий день здесь же поэтом написано стихотворение «Зимнее утро», где говорится о Павловском нетерпеливом коне, бурой кобылке.

О пребывании Пушкина на Тверской земле осенью 1829 года рассказал Алексей Вульф в своем «Дневнике»: «Пушкин много танцевал, дурачился, охотился, много ездил по деревням: из Старицы в Павловское, из Малинников - в Берново».

В очень богатом и большом имении Константина Марковича Полторацкого Грузины Новоторжковского уезда Тверской губернии Пушкин, вероятно, был раньше - в марте 1829 года, прожив здесь недолго.

В имении был хороший конный завод на 250 породистых лошадей. Пушкин, наверное, интересовался конями, и хозяин тогда показал завод гостю и предложил взять для прогулки верхом понравившегося поэту коня, и, наверняка, Пушкин не отказался.

А в Павловском у Пушкина была постоянная лошадь, любимая резвая и строптивая белая кобылка, на которой он много ездил верхом.

Последний раз посетил эти места Пушкин в августе 1833 года, куда заехал во время своего путешествия в Оренбургский край. «А ты не угадаешь, мой ангел, откуда я тебе пишу: из Павловска; между Берновом и Малинников». В этом письме к Наталье Николаевне он грустно сообщает, что здесь много переменилось, не стало веселого общества и лукаво добавляет:

«... из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу, на которой и ездил в Малиники, но и та уж подо мною не пляшет, не бесится...»

Значит, не забыл Пушкин зайти в конюшню, навестил свою лошадку, размял своего несколько постаревшего коня, поскакал верхом на ней в последний раз, попрощался и с ней, и с Тверским краем.

В свое имение Болдино отец поэта Сергей Львович ни разу не приезжал. Поэтому все три раза, что был там Пушкин, его встречали как настоящего хозяина, все, в том числе и лошади, всегда были в его распоряжении.

В Болдине был с коляской каретный сарай вместе с конюшней на шесть лошадей - и для упряжки и для езды верхом. Конюха звали Михей Савохин. Он готовил коней для молодого барина - седлал для прогулок верхом и запрягал в коляску.

В первый свой приезд в Болдино Пушкин ехал из Москвы через Муром, Владимир, Арзамас и потратил на дорогу 3 дня, и был в Нижегородской деревне 3 сентября 1830 года.

В письме А.А.Плетневу он делился первыми впечатлениями о Болдине: «Ах, мой милый! Что за прелесть здешняя деревня! Вообрази, степь да степь; соседей ни души; ездить верхом сколько душе угодно, пиши дома, сколько вздумается, никто не помешает!»

И писал, и ездил Александр Сергеевич в эту болдинскую осень как никогда! По делам, связанным с разделом имения и вступления в наследство, он побывал в Кистеневе, которое выделил ему отец вместе с 200 душ крепостных, и два раза в уездном городе Сергаче.

Уладив дела, стал собираться домой, в Москву, но холера и карантин спутали все его планы.

Пушкин поехал в Лукоянов за свидетельством на проезд в Москву, но его не дали, так как, оказывается, он выбран попечителем по своему округу по надзору за карантинами.

Пушкин, решив без свидетельства продолжить путь, доскакал до Владимирской области за 200 верст от Болдина, но строгий смотритель почтовой станции, имеющий предписание, повернул Пушкина назад. Он вернулся в Лукоянов и попытался получить свидетельство того, что он едет из незаразной местности, написав прошение о нем. Он, проделав зря 400 верст, вернулся в Болдино очень расстроенный и сердитый.

В ожидании подорожной, этого свидетельства и вообще отмены карантина, он несколько раз навещал своих соседей в их имениях Апраксине и Черновском, которые находились примерно в 20 верстах от Болдина, севернее, за рекой Пьяной.

Особенно ему нравилось бывать в гостях у простой русской семьи Новосильцевых в Апраксине, где у сына хозяйки был большой, очень хороший конный завод. Можно представить, что конезаводчик приглашал Пушкина не только полюбоваться на своих лошадей, но и проверить их беговые качества. Можно не сомневаться, что Александр Сергеевич тогда не отказывал себе в этом удовольствии.

Ну, а главное, он творил и творил, удивительная плодотворность этой осени граничит с чудом.

Среди огромного числа созданного им этой осенью - «Повести Белкина» - первое пушкинское завершённое произведение в прозе. В одной из повестей «Барышня-крестьянка», пугливая куца кобылка Муромских оказывается действующим лицом повести, ведь она своей пугливостью способствовала счастью молодых влюбленных героев Лизы и Алексея, примирив их отцов.

Вспомним, как обстояло дело. Однажды осенью, прогуливаясь по лесу верхом на куцей кобылке, Муромский случайно повстречал ехавшего на охоту Берестова. При виде выскочившего из леса зайца, Берестов, его стремленные, громко закричали, собаки залаяли... Лошадь Муромского, не бывавшая никогда на охоте, испугалась и понесла. Муромский дал ей волю. Но, доскакав до оврага, кобыла вдруг кинулась в сторону - и Муромский не усидел. Упав довольно тяжело на мерзлую землю, лежал и проклинал свою куцую кобылу, которая, как будто опомнясь, тотчас остановилась, почувствовав себя без седока. Берестов поскакал к нему, осведомляясь, не ушибся ли он. Между тем, стремленной привел виноватую лошадь. Он помог

Муромскому взобраться в седло, а Берестов пригласил его к себе. Муромский не мог отказаться. После завтрака Берестов проводил гостя до самого крыльца. Муромский уехал не прежде, как дав честное слово на другой же день (и с Алексеем Ивановичем) приехать отобедать по приятельски в Прилучино (имение Муромского). «Таким образом, вражда старинная и глубоко укоренившаяся, казалось, готова была прекратиться от пугливой куцей кобылки». И прекратилась.

В 1833 году после поездки в Оренбургский край Пушкин снова посетил Болдино.

30 октября он сообщает в письме жене: «Ты спрашиваешь, как я живу. Просыпаюсь в 7 часов, пью кофей и лежу до 3-х часов. Недавно расписался и уже написал пропась. В 3 часа

сажусь верхом, в 5 - в ванну и потом обедаю картофелем и грешневой кашей. До 9 часов - читаю. Вот тебе мой день и все на одно лицо».

Среди написанного - стихотворение «Осень», в нем нашли отражение и жизненные картины октябрьской болдинской природы, и реальные эпизоды деревенской жизни Пушкина.

Осень (отрывки)

1.

Октябрь уж наступил - уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад - дорога промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл...

1X.

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривой, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол и трескается лед...

Болдинской осенью 1833 года закончена одна из вершин в творчестве Пушкина - поэма «*Медный всадник*», где Пушкин дает величественный образ преобразователя России Петра 1.

В описании Медного всадника - памятника Петру 1 Пушкин достигает огромной художественной силы; Петр 1 сравнивается с конем, вставшим на дыбы:

«И прямо в темной вышине
Над огражденною скалою
Кумир с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне...
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы...»

Евгению кажется, что за ним гонится бронзовый Петр 1.

«... На звонко - скачущем коне;
И во всю ночь безумец бедный
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал».

Вероятно, Пушкин вспоминал при этом живого Петра на его боевом коне перед Полтавской битвой, которого он описал в поэме «*Полтава*».

«Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь как Божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могучим седоком».

В 1834 году Пушкин пробыл в Болдине всего три недели - не приходило вдохновение, и он уехал, написав лишь *«Сказку о Золотом петушке»*, в которой тоже не обошлось без коней: Додону перед шатром Шамаханской царицы предстала страшная картина:

«Перед ним его два сына
Без шоломов и без лат
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга
По протоптанной траве,
По кровавой мураве».

На Полотняном Заводе, имени Гончаровых, был конный завод и манеж, поэтому-то все сестры Гончаровы и были прекрасными наездницами.

Может быть, и Пушкину во время своего пребывания там (особенно во второй раз в августе-сентябре 1834 года, когда он гостил на Полотняном Заводе две недели) удалось поездить на хороших породистых скакунах его конного завода.

В июне 1835 года сестра Натальи Николаевны Александрина в письме брату Дмитрию просила его прислать в Петербург карету, берейтора Трофима, лошадей для всех трех сестер, к ним дамские седла, чепраки, мундштуки, а также два мужских седла, одно для Пушкина, а другое - похуже, для Трофима. А затем добавляет: «Пушкин ради Христа просит, нет ли для него какой-нибудь клячи, он не претендует на что-либо хорошее, лишь бы пристойная была, как приятель, он надеется на тебя».

Очень обидно за Александра Сергеевича, и так жаль его! Почему клячу? У него, такого отчаянного наездника, любителя быстрой езды, и лошадь должна быть тоже лихая, ретивая, вот такая, как в его стихотворении:

«Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой».

1826 год.

Мы не знаем, выполнил ли Дмитрий Николаевич просьбу Александра Сергеевича. Но если и прислал ему лошадь, то даже эта кляча была только «прокатная», а истинному любителю лошадей так хочется иметь собственную! «Любому коннику известно, как отличается чужая лошадь от той, с которой ты работаешь постоянно», - замечает автор книги «Прощайте и здравствуйте кони» Б.А.Алмазов.

И разве близкий родственник - брат жены Дмитрий Николаевич Гончаров не мог подарить Пушкину хорошего породистого коня со своего конного завода? Как бы Александр Сергеевич был счастлив!

Содержать собственных лошадей в Петербурге было дорого, но наем последней, например, квартиры Пушкина на набережной Мойки в доме княгини Волконской предусматривал для семьи поэта не только жилые, но и «служебные помещения с конюшнею на шесть стойлов». Так что место там для лошади Пушкина было!

Как видим, учился Пушкин верховой езде у профессионалов по всем правилам недолго, ездил верхом - от случая к случаю, своей порядочной лошади у него не было, поэтому ездоком он был, может, хоть и отчаянным, но, наверное, не очень искусным, иначе не стал бы он старательно подчеркивать свою лихость, умение и владение конем!

Но чем бесспорно обладал Пушкин, это чувством понимания лошади, интереса, внимания к ней, любования и восхищения этим прекрасным животным. Об этом говорят не только его литературные произведения, но многочисленные рисунки лошадей на пушкинских рукописях.

Большой специалист по творчеству Пушкина (в том числе и по его рисункам) Т.Г.Цявловская писала в книге «Рисунки Пушкина» об этом: «Природу лошади Пушкин знал и чувствовал как всадник, любовался движением играющих коней, мчащихся и брыкающихся.

С удивительной меткостью закреплял его быстрый рисунок по памяти, дома, мгновенное движение животного.

Изображая коня, он передавал пластику, саму душу движения. Тонкими линиями выражал он стихийность порыва, круто изогнутую шею, склоненную до земли голову, взлет брыкнувших ног».

Правдивость этих слов подтверждает моя подборка пушкинских рисунков лошадей.

Среди многочисленных автопортретов поэта хорошо известны два верхом на коне - автопортрет в виде всадника с саблей и второй, на котором Пушкин изобразил себя устремленным на неприятеля во время сражения 14 июня 1829 года на Кавказе, с казачьей пикой, в бурке.

Есть третье изображение Пушкина на коне - «Пушкин на прогулке» - рисунок художника В.Серова.

Лариса Карцелли в книге «Мир Пушкина в его рисунках» так пишет о его третьем автопортрете, связанном с лошадьми: «На черновике Андрея Шенье среди артистически непринужденных, исключительно точных и графически выразительных набросков конских голов в разных ракурсах, с разным лошадиного «лица» выражением, поэт рисует себя в конском облике, но со своими кудрявыми арабскими бакенбардами, с носом лошади и маленьким глазом, самым поразительным и непостижимым образом глядящим на нас его собственным, Александра Сергеевича, взглядом....»

Удивительный автопортрет Пушкина поначалу нас просто ошеломляет, повергает одновременно и в восторг, и в смятение. Здесь и игра воображения, безудержная фантазия Пушкина-художника, прихотливая шутка и самоирония, и своеобразная мистификация».

Автор книги считает, что этот автопортрет поэта, этот Пушкин-конь, не только самое причудливое, но по-своему и самое достоверное из всех его самоизображений.

Много рисунков, изображающих лошадей, встречается среди иллюстраций Пушкина к своим произведениям.

Создавая повесть «Гробовщик», Пушкин сопровождал ее несколькими рисунками. Среди них и один из самых лучших рисунков во всей графике поэта - похоронная процессия с двумя клячами, везущими катафалк.

На обложке рукописи поэмы «Граф Нулин» Пушкин нарисовал картину псовой охоты.

На рукописи «Тазита» изобразил памятник Петру - Медный всадник - без Петра.

Вот рисунок к стихотворению «Жил на свете рыцарь бедный», - как хорош образ стремительно мчащегося рыцаря, воодушевленного порывом к победе; он натянут, как струна, и какими скудными средствами передано это напряжение!

Прекрасен скачущий конь - автоиллюстрация к стихотворению «Делибаш».

Лошади до самого конца были с Пушкиным.

На место дуэли мчала его нанятая Данзасом тройка, запряженная в легкие сани, - это была последняя поездка здорового поэта.

С Черной речки тяжело раненого Пушкина везли в карете, присланной Геккерном для Дантеса. Данзас не сказал поэту, чья она, он боялся, что Пушкин, узнав это, не согласится ехать в ней. Последний раз в жизни везут Пушкина лошади, и это лошади его врага!

16 февраля ночью тайно гроб с телом покойного поэта вынесли из Конюшенной церкви, где его отпевали. На площади ждали три экипажа. На открытые сани, запряженные тройкой почтовых лошадей, поставили гроб, укутанный рогожей, покрыли соломой, рядом примостился верный дядька Никита Козлов, впереди - в карете - жандармы, в кибитке позади - Александр Иванович Тургенев со служащим почтового ведомства (который должен был обеспечивать быструю замену лошадей на станциях) - и тройки понеслись к месту вечного успокоения поэта - к Святогорскому монастырю в Псковскую губернию.

Бенкиндорф в «Отчете корпуса жандармов за 1837 год» объясняет, почему гроб с телом Пушкина увозили ночью и тайно: «чтоб не было волнений народа и беспорядка ни в Петербурге, ни во Пскове. Многие располагали следовать за гробом до самого места погребения, наконец, дошли слухи, что будто в самом Пскове предполагалось выпрячь лошадей и везти гроб людьми».

Нет, лошади не доверили людям эту печальную миссию. Мчались так быстро, что одна из лошадей в дороге пала.

На обратном пути после похорон Пушкина, как вспоминает Тургенев в своем дневнике, он «заплатил на станции за упавшую под гробом лошадь». Что ж - ведь Пушкин так любил быструю езду!

Чтобы конец рассказа о Пушкине и лошадях не был таким грустным, вспомним радостное, солнечное стихотворение «Зимнее утро». Оно наполнено ощущением светлого тихого счастья и покоя! И одна из причин этого счастья, по-моему, - прогулка с «прелестным милым другом» на санках, запряженных нетерпеливой бурой кобылкой, и наслаждение ее бегом!

«Зимнее утро»

«Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный, -
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу Северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела -
А нынче ... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

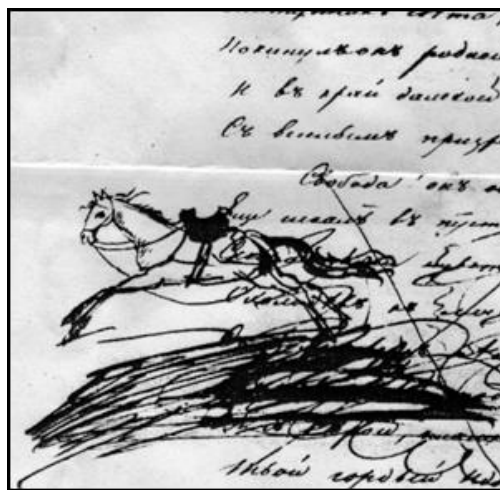
Вся комната янтарным блеском

Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня».

Рисунки Пушкина с изображениями коней

Скачущая лошадь
чернила
«Кавказский пленник»
1821

Всадники, горы
чернила
«Вяземскому»
1821, Каменка

Конь
карандаш
Евгений Онегин
февраль 1828

Лошадиные головы,
лошади и черкес
чернила
Дневниковые записи
15-22 мая 1829

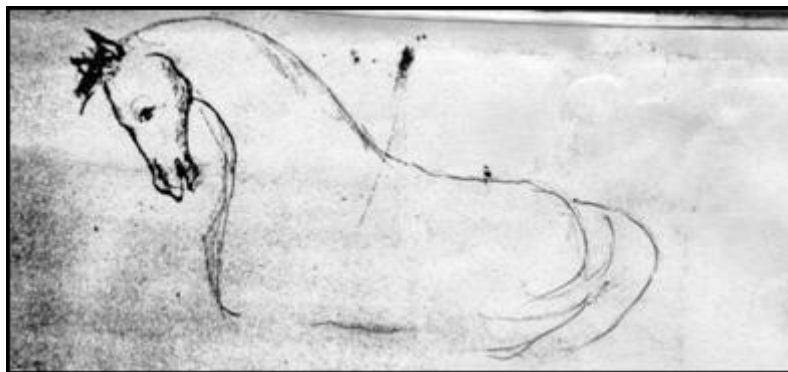
Идущая лошадь
чернила
«Переход через Кавказ»
18 июля 1829,
Арзрум

Лошадь бегущая
чернила
«Странствие Онегина»
1829, Павловское

Две скачущие
лошади
чернила
«Езерский»
1833, Болдино

Силуэт лошади
карандаш, чернила
«Клеопатра», 1835

Конь и богатырь с копьем
чернила
«Он между нами жил»
10 августа 1834

Список литературы:

1. А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х т.- М.: Художественная литература, 1985.-Т.1.-469с.
2. А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х т.-М.: Художественная литература, 1985.-Т.2.-575с.
3. Алмазов Б.А. Прощайте и здравствуйте кони!: Научно-художественная книга. - Л.: Дет.лит., 1978.-280с.: ил.
4. Вересаев В.В. Пушкин в жизни. В 2-х т.-СПб: Лениздат, 1995.-Т.1.-432с.
5. Вересаев В.В. Пушкин в жизни. В 2-х т.-СПб: Лениздат, 1995.-Т.2.-478с.
6. Карцелли Л. Мир Пушкина в его рисунках. М.: Моск.раб., 1983.-192 с.: ил.
7. Тыркова-Вильямс А. Пушкин. В 2-х т. - М.: Мол. гвардия, 1998.
8. Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. - М.: Искусство, 1970. – 168с.: ил.